

Евгения Акулова

ЧЕСТВОВАНИЕ

Лариса ДОЛГАЧЕВА

Он точно помнит, как это случилось — на исходе первой мировой войны в провинциальном зальчике синематографа, когда в положенном месте тапер заиграл марш Тореадора из "Кармен". Он вдруг впервые ощутил музыку не вне, а внутри себя. С ним что-то случилось. А через два дня он сказал маме, что хочет учиться музыке.

Под те же триумфальные звуки — "То-ре-адор, сме-ле-э-э-э-е!" он спустя десятилетия войдет в другой зал, чтобы принять с любовью составленный по случаю его 90-летия букет из музыкальных поклонов, шутивых реверансов, стихотворных приношений, торжественных адресов от Большого театра, где в 1930 году ему довелось начать свой дирижерский путь, и от Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, где одиннадцать лет он прослужил главным дирижером и где по-настоящему осознал оперу как свое призвание, от верного коллеги Бориса Покровского и Тихона Хренникова, чьей первой оперой "В бурю" впервые продирижировал именно он, от гитисовцев разных поколений, коим уже полвека читает курс музыкальной драматургии, и правильного, удостоившего его к юбилею звания "народный артист России"... В тот вечер в московском театре "Геликон" чествовали Евгения Алексеевича Акулова.

Интеллигента и по крови, а он правнук Жуковского и родственник Бунина, и потому, что впитал энергию и культуру тех, у кого учился сам, — Е. Гнесиной и Р. Глиэра, К. Сараджева и Г. Нейгауза, Н. Голованова и В. Немировича-Данченко, потому что проповедует любовь — "ненависть бесплодна!", потому что уверен — задача старшего поколения и, конечно, его лично протянуть руку с одной стороны на другую сторону пропасти, образовавшейся между

культурой прошлого и сегодняшним днем.

Чествовали Акулова — необыкновенного педагога, умеющего представить каждую оперу загадкой, которую, как сказал один из его учеников, "ужасно хочется разгадывать", и умеющего сверх того неизменно держаться на линии "человек-человек", а не "профессор-студент".

Чествовали Акулова — замечательного дирижера, открывшего отечественной публике не известные ей страницы мирового искусства, — оперы "Битва при Леньяно" Верди и "Орфей" Гайдна, музыку Аренского к инсценировке "Бахчисарайского фонтана"...

Он встанет за дирижерский пульт и в свой юбилей, но прежде чем взмахнуть хрустальной палочкой, подаренной учеником, ныне лидером "Геликона" и, к слову, организатором этого вечера Дмитрием Бертманом, объявит: "Марш из оперы Прокофьева "Любовь к трем апельсинам". Хочется, чтобы эта смелая, бодрая музыка проникла во все сердца".

В ответ ему прозвонит "Многая лета", и закружат в вальсовых ритмах "Застольной" из первого акта "Травиаты" геликоновские хористы и солисты в разноцветье вечерних туалетов — праздник жизни, прочерченный острыми линиями любви.

...И уже за фуршетом я спрошу Евгения Алексеевича о его новой, еще находящейся в печати книге "Три Бориса". Он тут же загорится: "Мусоргский — это российский парадокс, он вышел за скобки XIX века. Гениальные идеи — и несовершенство техники. Вот почему возникли две последующие редакции его "Бориса" — Римского-Корсакова и Шостаковича. Римский-Корсаков, он понял, куда их всех завела "Могучая кучка", и сделал все, чтобы выбраться из тупика. А Шостакович..." Тут нас прервали. Но выйдет его книга — и, значит, общение не прервется никогда.